

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

К ИСТОРИОГРАФИИ НОРВЕЖСКОЙ СОСЕДСКОЙ ОБЩИНЫ

Важность изучения соседской общины в Норвегии определяется тем, что последняя была основным общественным и производственным объединением в сельских местностях страны в течение длительного исторического периода, от раннего средневековья, когда еще повсеместно бытовала большая патриархальная семья и образовывалось раннефеодальное государство, и почти до конца прошлого столетия. Без изучения соседской общины невозможно понять самые существенные черты социально-экономического развития страны и те пережиточные нормы общинного права, которые живут и действуют ныне, отчасти в виде бытующих еще форм общинной собственности, а частично в виде общинных традиций.

Эта проблема привлекла к себе пристальное внимание норвежских ученых, и различные аспекты ее стали одной из главных тем в норвежской историографии с середины XIX в., когда молодая норвежская буржуазия, возглавившая в XIX и начале XX в. национально-освободительное движение в стране за разрыв унии со Швецией и провозглашение независимости, лихорадочно искала себе союзников. Союзником мог быть только самый многочисленный тогда в стране класс — крестьянство, ибо дворянство в Норвегии вообще никогда не было сильным и к этому времени уже не существовало как класс, а пролетариат еще был немногочисленным и слабым. Идеологи буржуазии, льстя крестьянству, называли его единственным защитником и хранителем «добротого старого времени», нетронутой национальной независимости¹ и «будущим носителем свободы и независимости страны»² и всячески подчеркивали, что Норвегия на протяжении всей истории была крестьянской страной. Используя тот факт, что крепостное право не нашло распространения в стране и что история норвежского крестьянства — это в основном история вольного крестьянства, буржуазные ученые выдвигали идею самобытного и совершенно особенного пути развития Норвегии³.

В этом плане история норвежской соседской общины как самоуправляющейся единицы и «очага народной свободы» должна была стать особенно важной темой для исследования. Факты борьбы норвежского крестьянства в средневековье против попыток датского чиновничества ущемить права общинников, крупная роль соседской общины в сплачивании крестьянства и в сохранении принципов демократизма были на руку норвежской буржуазии как стимул для усиления борьбы широких масс Норвегии против подчинения Швеции. В то же время развитие капиталистических отношений не только в городе, где росла промышленность и развивался рабочий класс, но и в деревне, где продолжался процесс имущественной дифференциации и все большее значение приобретало частнособственническое землевладение за счет огораживания общинных земель, — побуждало буржуазию поднять на щит пропаганду идей незаблестимости и вечности устоев буржуазного общества, в том числе и частной собственности на землю.

¹ A. Elviken, Die Entwicklung des norwegischen Nationalismus, Berlin, 1930, стр. 20.

² Kr. A amot, Oslo arbeidersamfund gjennom 75 år (1864—1939), Oslo, 1939, стр. 9—10.

³ См., например, Kr. Visted og H. Stigum, Vår gamle bondekultur, т. I, Oslo, 1951, стр. 9.

Пристальное внимание уделяют норвежские исследователи институту наследственного землевладения — «уделю» и праву единонаследия — «осетеретту», как средству сохранения неделимости удела. Но если буржуазные ученые в других странах, например, Фюстель де Куланж во Франции, Сергеевич в России и ряд других ученых вообще пытались опровергнуть факты существования в прошлом коллективной земельной собственности и сельской общины с коллективным землевладением⁴, то обильные норвежские материалы о соседской коллективной земельной собственности — «алменнинге» (almenning), хорошо сохранившиеся и довольно подробные для всего средневековья, не только не исключали возможность наличия общинного землевладения в Норвегии, но, наоборот, сыграли немалую роль в разжигании патриотических и националистических чувств у норвежского крестьянства.

Первые работы, появившиеся в конце 1840 — начале 1850-х годов, носили юридический характер и сводились к конкретному анализу различных сторон права пользования общинными угодьями, наследования удела и сравнительным экскурсам в соответствующее законодательство прошедших столетий.

Правовая направленность исследований об общинных и частнособственнических землях была не случайной, ибо законодательство Норвегии 20-х и 50-х годов XIX в. об огораживании общинных земель, в том числе лесных общинных угодий, потребовало создания больших кадров землеустроителей, способствовало появлению значительной группы юристов, в деятельности которой правовой анализ форм землевладения занимал решающее место, и породило обширную документацию (тексты и карты огораживаний). Непосредственная практика разбора судебных тяжб за землю, спорные вопросы толкования новых законов и установившаяся в ряде случаев практика землепользования согласно законодательству предыдущих столетий и послужили темой многочисленных статей в норвежской местной и центральной прессе. Задача их была узка и совершенно конкретна — разобраться в практике общинного и частного землевладения, установить правовые нормы согласно действующему законодательству и несоответствие их нормам обычного права, зачастую опиравшегося на отголоски старого законодательства периода датского владычества над Норвегией.

Этим целям служили в журналах и даже в газетах некоторые статьи правоведов Л. Ауберга⁵, О. А. Бахке⁶, Фр. Брандта⁷, Я. Либлейна⁸, Т. Мейделла⁹, Ф. Платоу¹⁰ и других — в целом хороший полевой материал для обобщающих исследований более широкого плана. Видные норвежские исследователи права П. А. Мунк, Р. Кейсер, а позже Стурм и Херцберг в период с 1846 по 1895 г. подготовили выпуск пяти томов законов раннесредневековой Норвегии (до 1387 г.)¹¹. А в начале XX в., с 1904 по 1914 г., историк права А. Тарангер организовал выпуск еще четырех томов законов средневековой Норвегии (до 1604 г.)¹².

Начало XX столетия знаменуется в историографии Норвегии появлением ряда исследователей, посвятивших много сил изучению общинного землепользования и истории соседской общины в стране. Эббе Херцберг в своих работах уделял много места изучению происхождения и развития общинной земельной собственности¹³. Как и его нор-

⁴ См. Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, т. I, М., 1952, стр. 62.

⁵ L. M. Aubert. Noget om Almenninger. Et Bidrag til Behandling af Loven om Skovvæsenet, «Morgenbladet», 1863, № 102, 104, 109, 110, 134; его же, Om Jagtretten i Almenninger, «Fædrelandet», 1869, № 24.

⁶ O. A. Bachke, Fælles Brugsrettigheder og særskilte Rettigheder i Ahmenningskov, «Ugeblad for Lovkyndighed», 1870, X, стр. 145—148.

⁷ E. Brandt, Om Udtrykkene Hjemmark, Udmark og Indmark, «Ugeblad for Lovkyndighed», 1864—1865, IV, стр. 353—355; его же, Lovgivningen om Jagten, «Norsk Landmandsbog», 1886, стр. 1—14.

⁸ J. Lieblein. Bidrag til Skov-og Sagbruksvæsenets Historie, II «Nyhedsblad», 1859, № 20, 22, 25, 28, 31, 33.

⁹ Th. Mejdell, Foredrag paa Landsmødet paa Hamar om Behandlingen af Almindingssskove, «Morgenbladet», 1856, № 285; его же, Om foranstaltninger til en mere husholderisk Behandling, 1858.

¹⁰ F. C. S. Platou, Bemærkninger til Loven af 12-te October 1857 om Jords-og Skovs-Udskiftning af Fællesskab, «Ugeblad for Lovkyndighed», 1864—1865, IV, стр. 17, 25, 41, 49, 73, 105, 129, 137, 161, 197, 205.

¹¹ Norges gamle Love, 1. Rekke inntil 1387 v/Keyser og Munch, senere Storm og Hertzberg, тт. 1—5, 1846—1895.

¹² Norges gamle Love, 2. Bekke inntil 1604 v/Taranger, тт. 1—4, Kristiania, 1904—1914.

¹³ E. Hertzberg, Betekning om almenningens historiske oprindelse og dens udvikling, juli 1909, utrykt Høyfjellskommisjonens arkiv, «Norsk Rettstidende», Kristiania (далее: RT), 1914, стр. 35; его же, Jagtretten i statsalmenning. Vedl. 2. til Fjelllovkomiteens innstilling; его же, Рецензия на работу А. Тарангера «Nogle bemærkninger...» (о том, кто имеет право пользования алменнингом), «Uttalelse», 29 марта 1910.

вежские предшественники-правоведы, Херцберг придерживался правового анализа форм земельной собственности, хотя он не чуждался и историко-сравнительного метода исследования. В то же время, стоя на идеалистических позициях, Херцберг уделял мало внимания экономическому фактору и, совершенно не замечая социального расслоения норвежского крестьянства, особенно во второй половине XIX в., недооценивал роль классовой борьбы в развитии норвежского общества. Развитие общества он понимал лишь как эволюцию и накопление рационализаторского опыта. По своим взглядам он, подобно своим предшественникам или современникам-правоведам — А. Тарангеру, К. Лусу, У. Улафсену, Г. Танку, был весьма близок к известной в Европе во второй половине XIX в. буржуазной историографической школе общинной теории¹⁴.

Тех же методов в изучении общины, что и Херцберг, придерживался уже упоминавшийся теоретик права Абсалон Тарангер. Во многих статьях и монографиях он дал хорошо обоснованные истолкования ряда терминов, связанных с отношениями в землевладении¹⁵, и в ряде отчасти до сих пор неопубликованных работ, которые хранятся в архивах так называемой «Высокогорной комиссии», наметил отдельные этапы эволюции общинного¹⁶ и наследственного¹⁷ землевладения в Норвегии; эволюция последней названной формы шла, по его мнению, в направлении все большей аристократизации.

Серьезный анализ общинной собственности и возникающих на этой базе отношений между соседями-землепользователями содержится в работах историка-юриста Улафа Улафсена¹⁸. Но увлечение чисто правовым анализом источников и недопонимание социально-экономических факторов изучаемых периодов помешало ему вскрыть исторические корни общинной собственности и подлинную роль и место соседской общины в истории Норвегии в прошлом и настоящем¹⁹.

Однако крупной заслугой Улафсена можно считать сбор и систематизацию огромного фактического, преимущественного правового материала по истории общинной собственности в стране²⁰.

Большой интерес, несмотря на узко юридический подход, представляют небольшие сообщения правоведа К. Луса о соседской общинной земле и о праве пользования различными угодьями. Его принадлежность к школе общинной теории отчетливо видна из рецензии на работу У. Улафсена «Поземельная община и общая собственность», где рецензент, подобно самому автору рецензируемой работы, отчетливо стоит на тех же позициях²¹.

Виднейшим представителем школы общинной теории в Норвегии и главой ее в начале XX в. (после Херцберга) на протяжении почти двух десятилетий был юрист Гюннар Танк, который более чем в трех десятках статей, опубликованных в период с 1912 по 1929 г., собрал значительный материал по общинной земельной собственности в Норвегии

¹⁴ Общинная теория была для своего времени прогрессивной; представители ее доказывали существование общинных отношений на определенном этапе истории. Несмотря на применение историко-сравнительного метода в исследовании и признание большинством представителей этой школы большого значения экономического фактора, сторонники общинной теории страдали излишним пристрастием к юридическому анализу, не видели классовой борьбы, разлагающей общину, понимали историю как эволюцию рационализаторского опыта.

¹⁵ A. Taranger, *Udsigt over den norske rets historie*, Christiania, 1898 og 1904.

¹⁶ A. Taranger, *Av forelæsninger over norsk almenningrett, I. Semester 1913: 6. N. L., 3—12—2. Om eiendomhævd på almenningjord, Utrykt löyfjellskommissjonens arkiv*; его же, *Nogle bemærkninger om den norske almenningrett og dens anvendelighet paa Gricebaaomraadet*, там же.

¹⁷ A. Taranger, *The meaning of the words ôthal and skeyting in the old laws of Norway, Essays in legal history* ed by P. Vinogradoff, Oxford, 1913.

¹⁸ O. Olafsen, *Jordfællesskab og Sameie*, Kristiania, 1914.

¹⁹ O. Olafsen, *De norske almindinger i fortid og nutid*, 1916. Машинописная рукопись.

²⁰ O. Olafsen, *Når utstedes de første forbud mot hugst i de offentlige skoger, særlig i almenningsskogene i Norge*, «Tidsskrift for Skogbruk», 1910, стр. 130, 220, 256, его же, *Nyrydning og nyebbyggelse i Norge i de sidste 400 aar*, «Tidsskrift for det norske Landbruk», 1914; его же, *De «ytre» Almendinger*, «Historisk Tidsskrift», R. 5, B. 5, стр. 313, 315; его же, *Almendingernes utbredelse i Norge*, «Tidsskrift for Skogbruk», 1917, стр. 220—230; его же, *Vidnesbyrd om Almendinger i Norge, samlet af trykte og utrykte kilder (Diplomatarium Norwegicum, Norske Rigsregistranter, Norske Herredags Dombøger, Statholderskabets Ekstraktprotokol, Jens Nielsens visitatsbøger, rettsprotokoller, m. m.)*, Høyfjellskommissjonens arkiv.

²¹ K. H. Lous, *Jordfællesskab og Sameie, Anmeldelse av. O. Olafsens skrift med dette navn*, Rt. 1915, стр. 156.

в раннее и позднее средневековье²², в XIX²³ и начале XX в.²⁴ Танк проанализировал с юридической точки зрения значение термина «bygdealmenning» (сельская общинная земельная собственность) на разных этапах истории страны²⁵, вопрос о разделе (огораживании) общинных земель в XIX — начале XX века²⁶, вопрос о юридическом праве хюсманнов — батраков-арендаторов пахотной земли — пользоваться общинной землей²⁷.

Интерес к юридическому анализу земельных отношений не ослабел у историков права и в последующие десятилетия, вплоть до наших дней, о чем будет сказано ниже. Но в 1910—1920-х гг. в норвежской историографии появляются представители иных течений — историко-экономического и этнографического.

Представители историко-экономического направления уделяли большое внимание экономическому фактору и нередко пытались анализировать и социальные отношения. Наиболее яркие представители этого направления — О. А. Енсен, Х. Кут, Эдв. Булл и С. Хасюни.

О. А. Енсен в монографии «Крестьяне Норвегии»²⁸ правильно пытался связать удель с большой патриархальной семьей как формой наследственной собственности на пахотные земли внутри семейной общины²⁹. Он показал также, что отношения, существовавшие между соседними хозяйствами в раннее средневековье, можно характеризовать именно как отношения соседской общины³⁰. В этой и другой своей более поздней работе «История норвежского хозяйства»³¹ Енсен дает интересную характеристику истории экономического развития страны.

Халвдан Кут и Эдвард Булл известны в Норвегии как представители исторического материализма. Правда, Кут сам характеризует свою методологию куда скромнее: он называет ее «экономическим пониманием истории»³². Действительно, придавая большое значение экономическому фактору и признавая некоторые начатки развития феодализма в стране с раннего средневековья, эти ученые в то же время идеализировали «замечательную крестьянскую демократию» соседской общины и проводили идею о том, что право, закон, традиции «свободы господствовали в стране на протяжении всего средневековья и успешно развиваются в новое время»³³. Такое сглаживание классовых противоречий никак не может быть признано историко-материалистическим.

Интересной работой, в которой автор пытается обобщить значительный археологический и топонимический материал, а также письменные источники средневековья, является курс «Истории нашего сельского хозяйства» С. Хасюни³⁴. Хасюни придает большое значение экономическому фактору в развитии норвежского общества и нередко

²² G. Tank, Bidrag til fortolkningen av N. L. 3—12—3, «Særtrykk av Tidsskrift for Det norske Landbruk», 1916; его же, Bruksrett i almenning. En uttrykt høiesteretsdom av 1790, «Særtrykk av Tidsskrift for Det norske Landbruk», 1914; его же, De norske Skogers tilstand og et forslag til samnes forbedring 1699, «Særtrykk av Skogbrukeren», 1929; его же, Gamle høiesterettsdomme om almenninger, «Særtrykk av Bygd og Bonde», 1922; его же, Salg av krongods i Norge i 1660 årene, «Bygd og Bonde», 1926, стр. 49—55.

²³ G. Tank, Om retsvirkningen af salg af almenninger og rydningspladse i det 18. og 19. Aarhundrede, «Særtrykk av Heimen», 1928; его же, Salg av Statsgods efter 1814, «Særtrykk av Tidsskrift for det norske Landbruk», 1923 и «Historisk Tidsskrift», 5. R., т. 6, 1924; его же, Salg og Statsgods før 1858, «Bygd og Bonde», 1924, стр. 1—30.

²⁴ G. Tank, Findes der endnu privatalmenninger i Norge? «Særtrykk av Tidsskrift for Skogbruk», 1924; forkortet i Pt., 1923, стр. 753, его же, Findes der i Norge fjeldstrækninger, der uten af være almenning dog ikke er i privat eie, Rt., 1923, стр. 801.

²⁵ G. Tank, Om betydningen av ardet bygdealmenning, Trykt eltter Landburksdepartaments foranstaltning, 1912; его же, Om betydningen af de gamle skjødeformularer, «Bygd og Bonde», 1928, стр. 177—190.

²⁶ G. Tank, Hvilken retsvirkning har utskiftning av en almenning? Rt., 1921, стр. 33, его же, Utskiftning av Sameie, «Særtrykk av Tidsskrift for Det norske Utskiftningsvesen», 1926; его же, Bidrag til fortolkning av bestemmelsen i lov av 13. mars 1882, § 123, om at almenninger ikke må utskiftes, «Særtrykk av Tidsskrift for Det norske Landbruk», 1916.

²⁷ G. Tank, Har husmænd efter norsk ret brugsret i almenninger? Fortolkning av Lovbogens bestemmelser i 3—12 og oplysninger fra domspraksis i det 19. aarhundrede, «Bygd og Bonde», 1923, стр. 154—172.

²⁸ O. A. Johnsen, Norges bønder; 1 utgave — Kristiania, 1919; 2 utgave — Oslo, 1936.

²⁹ Там же, изд. 2, стр. 37.

³⁰ Там же, стр. 38—42.

³¹ O. A. Johnsen, Norwegische Wirtschaftsgeschichte, Jena, 1939.

³² См. в работе O. Dahl, Historisk materialisme. Historieoppfatningen hos Edvard Bull og Halvdan Koht, Oslo, 1952, стр. 87.

³³ H. Koht and S. Skard, The Voice of Norway, London, 1944, стр. 7, 18, 20, 21, 22, 34, 46, 47.

³⁴ S. Hasund, Vårt landbruks historie, Oslo, 1932.

делает удачные обобщения и выводы, например, о социальном составе общества на грани образования раннефеодального государства в Норвегии, обобщения по археолого-топонимическим материалам о времени возникновения различных групп сельских поселений³⁵. В то же время вопросам истории общинных форм землепользования, а особенно соседской общины как самоуправляющейся единицы, автор уделяет мало внимания, ограничиваясь только общими характеристиками.

В других своих, более ранних работах — «Происхождение норвежского батрачества»³⁶ и «Крестьяне и государство в период натуральной системы хозяйства»³⁷ — Хасюни приводит интересные материалы по некоторым формам общинной взаимопомощи. Правда, автор, не понимая классовой сущности взаимоотношений различных слоев крестьянства, сам не делает необходимых выводов.

Третье направление в изучении истории норвежской крестьянской общины — этнографическое. Ряд специальных этнографических статей или разделов по культуре и быту крестьянства (в составе монографий) появился уже в конце XIX в. Однако обобщающая работа по культуре и быту норвежского крестьянства появилась только в 1910 году. Это был труд этнографа Кристофера Вистеда — «Наша старая крестьянская культура»³⁸. Вистед собрал громадный фактический материал по этнографии норвежского крестьянства. Но он сводил изучение истории норвежского крестьянства к рассмотрению только истории «удельных крестьян», владения которых составляли, по его мнению, «в сущности полную собственность на землю»³⁹. Выводя удел от родового общества, Вистед описал «родовую» общину удельменов, которая в действительности оказывается семейной общиной — большой патриархальной семьей, владеющей определенными землями, наследственными в их большой семье⁴⁰. Рассматривая «удельные роды» (odelsætter) как живучий элемент норвежской нации, Вистед подчеркивает их роль в средневековье как носителей древней национальной культуры и старины. Конечно, семейные (а не родовые) общины, т. е. большие семьи, просуществовали в ряде случаев до конца средних веков и действительно были носителями старой крестьянской культуры. Но Вистед, желая подчеркнуть древность «частной собственности» в Норвегии и роль удельменов как «носителей особенностей норвежской нации», забывает о соседском общинном землепользовании неродственных семей и о соседской общине. Именно эта, соседская община, а не «родовая» или семейная, была основным производственным объединением в истории всей средневековой Норвегии и оставалась им даже в XIX веке. Но этого вывода у Вистеда нельзя найти. Между тем, показывая борьбу норвежского крестьянства против датского чиновничества, буквально, воспевая национальное сопротивление иноземным поработителям (см. изд. 1910 г., стр. 7—10), Вистед не замечает, что показывает борьбу крестьян, составляющих целые группы усадеб, долин и даже районов, т. е. соседей, связанных общностью землепользования на общинной земле — алменнинге, а не только родственников. Он сам фактами подтверждает известную мысль К. Маркса, что именно соседская, а не «родовая» (семейная!) община, являющаяся только частью соседской, «в течение всех средних веков была единственным очагом народной свободы и жизни»⁴¹.

Значительно более насыщены фактами о соседской общине труды другого представителя этнографического направления в изучении соседской общины Кристиана Эстберга. И хотя его работы несколько описательны, все же собранные им данные по общинной взаимопомощи норвежского крестьянства и по характеристике соседской общины как коллектива людей, связанных на одних общих земельных угодьях определенным кругом взаимных обязанностей, представляют интерес. Особенно интересны его статьи по взаимному участию соседей-общинников в проведении семейных обрядов⁴² и по общинной взаимопомощи в работе⁴³. Большой фактический как этнографический, так

³⁵ Там же, стр. 30—31, 14—16.

³⁶ S. Hasund, Det norske husmandsvæsens oprindelse, Nordisk Jordbruksforskning, Kristiania, 1922.

³⁷ S. Hasund, Bønder og stat under naturalsystemet, Kristiania, 1924.

³⁸ Kr. Visted, Vor gamle bondekultur, Kristiania, 1910.

³⁹ Там же, стр. 1—2.

⁴⁰ Там же, стр. 3: «Община, которая основывается на праве удела, носила отпечаток родовой общины. Обычным признаком ее был род (æt), который был связан родством, и буквально слово это означало otte (восемь), т. е. завершение круга из 8 поколений. Род, населявший двор удела, состоял из мужа и его жены, их сыновей с их женами и детьми и, кроме того, из внуков, а также из незамужних дочерей; сверх того, сюда также относились родители владельца удела (odelsmand), если они передали ему свою усадьбу. Род может, таким образом, состоять зачастую из 30—40 человек».

⁴¹ К. Маркс и Фр. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 694.

⁴² Kr. Østberg, Grænd, grannelag og belag. Ny jord, Aarg. 7, Kristiania, 1920, стр. 22—28.

⁴³ Kr. Østberg, Dugnad. Ny jord, Aarg. 7, Kristiania, 1920, стр. 96—103; егo же, Dugnad, Ny jord, № 1, 12 aarg, 1925, стр. 1—30.

(преимущественно) и правовой материал о норвежском крестьянстве и соседской общине содержит также подготовленный им в 1930-х годах к печати и изданный в десяти томах сборник «Норвежское крестьянское право»⁴⁴. Особенную ценность для этнографа представляет пятый том, содержащий фактический материал по обычаям в соседской общине в средневековой Норвегии.

Однако все отмеченные работы правового, историко-экономического и этнографического направлений в изучении форм землепользования и возникающих отсюда отношений были разрозненными поисками отдельных исследователей. Предпринятая в начале XX в. попытка группы ведущих историков подготовить издание курса «Истории Норвегии» завершилась публикацией нескольких томов, освещающих только общеполитическую историю разных периодов существования страны, причем каждый автор изолированно работал по своему периоду, и общая публикация трудов ничего в этом плане не изменила⁴⁵. Между тем, среди подавляющей части норвежских историков наметилась определенная тенденция в пользу историко-сравнительного метода. В 1922 г. в Осло был открыт Институт сравнительного изучения культурных явлений, объединивший лучшие силы археологов, этнографов и историков. Основатель Института Фредрик Станг способствовал распространению в Норвегии сравнительного метода изучения на социальные науки⁴⁶.

С самого начала в деятельности Института наметилось три направления — исследовательская работа, чтение публичных лекций норвежскими и иностранными учеными и публикация лекций и результатов исследований. Работа была сконцентрирована в основном на изучении «арктических культур», кавказских и индо-иранских языков и фольклора.

В 1932 г. Институт, по предложению Э. Булла⁴⁷, занялся изучением крестьянской общины. Работа была разделена на два этапа. Первый этап состоял из изучения сетерного горно-пастбищного скотоводческого хозяйства в летнее время и связанных с ним традиций. Опираясь на актив корреспондентов (учителей, чиновников, крестьян) работники Института до 1943 г. собрали в различных частях страны значительный полевой материал. Когда началась его предварительная обработка, потребовавшая нескольких лет, Институт приступил ко второму этапу работы: началось изучение по полевым и архивным материалам долинного крестьянского хозяйства и связанных с ним традиций. Сотрудники Института, собиравшие материалы, должны были в пределах данной им для изучения области страны избрать «центральное» селение и, изучая его, сравнивать с ним остальные селения — записывать и то, что аналогично, и то, чем они отличаются от «центрального» селения. Постепенно к работе привлекалось все больше местных жителей; не только сельская интеллигенция, но и крестьяне зачастую получали задания для ведения самостоятельного исследования по программе-вопроснику Института⁴⁸.

Почти за четверть столетия Институт собрал значительный материал, характеризующийся крупной цифрой — около 15 тысяч рукописей⁴⁹. Однако обработаны и опубликованы до сих пор только три монографии, посвященные горно-скотоводческому хозяйству.

Первая из опубликованных работ — «Названия норвежских сетеров» Улава Т. Бейто представляет собой объемистую монографию на 350 страницах с четырьмя картами, в которой кропотливо изложен громадный фактический материал⁵⁰. В Норвегии насчитывается около 49 тысяч названий сетеров. Топонимический анализ их — единственная цель автора монографии. Крупнейшим недостатком работы является отсутствие датировки возникновения сетеров с различными типами собственных имен и четких общих выводов о месте сетера в истории страны, хотя робкая попытка в этом направлении автором делается⁵¹.

В 1952 г. вышла монография С. Сульхейма «Норвежские сетерные традиции»⁵². Работа построена на основе полевых материалов, собранных по всей стране в 1930-х гг. сорока семью сотрудниками Института сравнительного изучения культурных явлений. Автор не ставил своей целью анализ общинных отношений в соседской общине и форм землевладения, но богатый фольклорный материал, на основе которого создана

⁴⁴ Kr. Østberg, Norsk bonderett, Oslo, тт. I—X, 1914—1935.

⁴⁵ A. Bugge, E. Hertzberg, O. A. Johnsen, Y. Nielsen, J. E. Sars, A. Tanganger, Norges historie, тт. I—VI, Kristiania, 1908—1916.

⁴⁶ F. Stang, instituttet for sammenlignende kulturforskning. Beretning om dets virksomhet inntil sommeren 1931, Oslo, 1931, стр. 9—28, 182—208.

⁴⁷ E. Bull, Sammenlignende Studier over Bondesamfundets kulturforhold (Arbeitsprogramm), Oslo, 1929, стр. 4.

⁴⁸ R. Frimannslund, Gårds-og grannesamfunnsundersøkelsen, Oslo, 1955, стр. 2—5.

⁴⁹ Там же, стр. 6.

⁵⁰ O. Beito, Norske sæternamn, Oslo, 1949.

⁵¹ В главе «Название сетеров по отношению к названиям гордов», стр. 304—313.

⁵² S. Solheim, Norsk sætertradisjon, Oslo, 1952.

монография, содержит факты соседских общинных отношений на горно-пастбищных угодьях. Иногда можно также примерно определить и социальный состав населения тех мест, о которых говорится в монографии.

Наконец, в 1955, 1957 и 1961 гг. вышли три тома монографии Ларса Рейнтонна «Сетерное хозяйство в Норвегии». Первый том посвящен типам сетеров и формам хозяйства, второй — работам на сетерах (сенокосы, сбор мха и прочие), третий — истории сетерного хозяйства в Норвегии в средние века и в новое время⁵³. Автор использовал значительный архивный, документальный, полевой и статистический материал и проанализировал вышедшие ранее работы о сетерах. Все это делает монографию хорошим пособием для получения всестороннего представления о сетерном хозяйстве страны.

Остальные материалы полевых наблюдений Института сравнительного изучения культурных явлений еще не опубликованы, кроме нескольких вышедших из печати докладов-статей ведущих работников Института — Андреаса Холмсена, Халвара Бьёрквика и особенно Ригмуры Фриманнслунн. Последняя в течение многих лет занимается изучением общинных традиций норвежского крестьянства и современных форм землепользования. Еще в конце 1930-х гг., будучи студенткой, Фриманнслунн участвовала в полевых экспедициях в западной Норвегии. В 1943—1946 гг. она собрала значительный материал по вопросам Института, а в настоящее время руководит работами его Отделения по изучению крестьянской общины⁵⁴. Фриманнслунн написала по полевым материалам ряд небольших, но весьма интересных статей и сообщений, характеризующих общинные традиции норвежского крестьянства, преимущественно до огораживания общинных земель в середине прошлого столетия, а также отчасти современные общинные традиции.

Как заявляет сама Фриманнслунн, ее «любимым детищем» является изучение «дворовой и соседской общины»⁵⁵ и форм общинной взаимопомощи⁵⁶. Действительно, в тех немногих коротких сообщениях и докладах, которые изданы, Фриманнслунн публикует малоизвестные материалы, особенно по отдаленным горным районам западной Норвегии, где в ряде долин до последнего времени не было проведено огораживание общинных земель. Правда, материал зачастую измельчен на ряд конкретных маловыразительных деталей о каком-либо небольшом поселении, состоявшем всего из трех хозяйств⁵⁷. Автор нередко тонет в незначительных, порой вовсе ненужных фактах⁵⁸. В то же время материал недостаточно увязан с общей историей страны, а все работы Фриманнслунн не дают четкого представления о той социальной среде, в которой до наших дней живут старые общинные традиции. И все же, несмотря на серьезные недостатки, имеющиеся в методологии Фриманнслунн, для историка и этнографа ее статьи представляют определенный научный интерес, так как содержат ценные фактические данные о характере землепользования в наши дни в глухих районах страны, где уцелели некоторые архаические формы собственности, и о тех обычаях, которые существуют между крестьянами-землепользователями при использовании общинных земель или возникают при их разделе и переходе в частную собственность.

Одна из статей Х. Бьёрквика⁵⁹ посвящена показу того, как в современной Норвегии изучают территории поселений и земель (полей и угодий). Опираясь на археологический, архивный текстовый и картографический материалы, а также на современные полевые этнографические данные, привлекая широкий круг информаторов-крестьян, Бьёрк-

⁵³ L. Reinton, *Sæterbruket i Noreg*, Oslo, тт. 1—3, 1955, 1957, 1961.

⁵⁴ A. Holmsen, *General Survey and Historical introduction. The Old Norwegian Peasant Community* (Reprint from the «Scandinavian Economic History Review»), Stockholm, 1956, стр. 27.

⁵⁵ Термин «дворовая» или «хуторская» община введен сотрудниками норвежского Института сравнительного изучения культурных явлений для обозначения отношений, возникающих в горде (дворе, усадьбе, хуторе) между владельцем его, с одной стороны, и батраками и домашней прислугой — с другой, между наследником усадьбы и его братьями и сестрами, и все возможные отношения, которые возникают между людьми, составляющими экономический коллектив горда. См.: R. Frimannslund, *Gårds- og gannesamfundundersøkelsen. Foredrag i Historisk Klubb*, Oslo, 1955, стр. 1.

⁵⁶ Там же, стр. 6.

⁵⁷ Например, анализу форм земельной собственности всего трех хозяйств посвящена работа R. Frimannslund, *A Cluster Settlement in Western Norway*, «Geographie et histoire agraires», Extrait, Nancy, 1959, стр. 209—220, подробнее об этой работе см.: Г. Анохин, Изучение пережитков общинного права в Норвегии, Журнал «Советская этнография» № 1, 1961 г., стр. 198—200.

⁵⁸ Например, в работе «A Cluster Settlement in Western Norway» излишне подробно сообщается о графике выпаса коров и телят на различных пастбищных угодьях (стр. 213—214) и излишне по объему для такой маленькой работы (всего 11 страниц) с такими важными проблемами описание тропок вокруг туна (поселения) Стейнслани (стр. 210—212).

⁵⁹ H. Björkvit, *The Farm Territories. The Old Norwegian Peasant Community*, Reprint from the *Scandinavian Economic History Review*, Stockholm, 1956, стр. 33—61.

вик на примере нескольких поселений в районах Согнефьорда, Суннфьорда и некоторых других сообщает, как переплетались частнособственнические и общинные владения до передела общинных земель. Как и у Фриманнслюнн, у Бьёрквика трудно найти что-либо по социально-экономической характеристике и социальным отношениям изучаемых районов. Однако его исследования более привязаны к истории страны, и в этом, возможно, сказывается благотворное воздействие известного историка Андреаса Холмсена. Вместе с ним Бьёрквик работает в Институте и даже написал общую работу «Кто владел землей, которую арендовали в средневековье?». Для этой статьи Бьёрквик собрал необходимый архивный и статистический материал в северной Норвегии, а Холмсен дал общее направление работы, выводы из статистических данных и написал введение и главы с характеристикой форм землепользования в XVII в. в северной Норвегии в районах Тронхейма и Бергена⁶⁰.

Работы Холмсена — одного из крупнейших современных историков Норвегии — представляют значительный интерес. Используя археологический, статистический и правовой материал, Холмсен широко привлекает сравнительно-исторические данные и уделяет немалое внимание экономическому и даже социальному фактору. Однако общинного землепользования он почти не касается: обычно в поле его зрения удельная земля крестьян, частные владения дворян, чиновничества, церкви и короля, причем преимущественно в период позднего средневековья. Буржуазный объективистский подход к проблемам значительно понижает ценность выводов Холмсена. Он часто предпочитает уклониться от выводов и заявить, что материалов недостаточно, чтобы решить вопрос. Так, например, по его словам, имеющихся в распоряжении ученых материалов недостаточно для того, чтобы решить вопрос об отношениях собственности в период, предшествовавший походам викингов⁶¹. Между тем судебники раннего средневековья, саги, археологические данные и данные датированной топонимики достаточно полны для Норвегии, чтобы установить эти отношения. Аналогичную позицию Холмсен занимает и в ряде других проблем, в частности в вопросе происхождения современных групповых сельских поселений⁶². Тем не менее, фактический материал, да и многие выводы при критическом их восприятии делают работы Холмсена ценным пособием для изучения земельных отношений собственности и положения классов в средневековой Норвегии.

В последние три десятилетия, наряду с работой этнографов и историков из Института сравнительного изучения культурных явлений, исследовавших формы землевладения в долинных хозяйствах и на сетах, в Норвегии не ослабевал интерес к правовому анализу форм землевладения. Как и их предшественники конца XIX и начала XX в., современные правоведы чересчур пристрастны к голому правовому анализу источников. В то же время экономическому фактору и социальным отношениям они совершенно не уделяют внимания.

Из наиболее крупных работ правоведов по земельному праву можно назвать монографии «Вклад в норвежское общинное право», т. I, Лоренца Рюннинга⁶³, «Удельное право и право единонаследия» Юна Шефе⁶⁴, «Основные черты норвежского общинного права» Асмуса Шьефлю⁶⁵ и «Введение в учение об общинном праве» У. Сульнёрдала⁶⁶.

В советской исторической науке изучением форм норвежского землевладения и крестьянской общины до последнего времени занимался только А. Я. Гуревич. Правда, он сосредоточивал свое внимание лишь на раннем средневековье — на IX—XIII вв. Исследование некоторых отношений в соседской общине Гуревич проводит в двух статьях.

В первой из них, которая носит название «Норвежская община в раннем средневековье», советский ученый анализирует те статьи из двух норвежских судебныхников XII—XIII вв. (Гулатинга и Фростатинга), в которых говорится об алменнинге — общинной земле, или толкуются права и обязанности соседей-землепользователей. Автор стремится «разобраться в характере собственности на разные виды земель, входивших в состав крестьянского двора и общинной территории»⁶⁷, рассматривает главы судебныхников о со-

⁶⁰ H. Björkvik og A. Holmsen, Hvem eide jorda i den gamle leilendingstida? «Heimen», т. IX, тетр. 2, июнь 1952 г., стр. 82—94; т. IX тетр. 3, сентябрь 1952 г., стр. 145—148; т. IX, тетр. 5, март 1953, стр. 218—226, т. IX, тетр. 6, июнь 1953 г., стр. 295—313; т. IX, тетр. 9, март 1954 г., стр. 442—454; т. IX, тетр. 11, сентябрь 1954 г., стр. 539—552; т. IX, тетр. 12, декабрь 1954 г., стр. 556—581.

⁶¹ A. Høimosen, Problemer i norsk jordeiendomshistorie (Narsk) Historisk tidskrift, т. 34, 1947, стр. 229.

⁶² A. Holmsen, General Survey and Historical Introduction. The Old Norwegian Peasant Community, Reprint from the «Scandinavian Economic History Review», Stockholm, 1956, стр. 30.

⁶³ L. Rynning, Bidrag til norsk almenningsrett, I, Oslo, 1934.

⁶⁴ J. Skeie, Odelsretten og åseteretten, Oslo, 1950.

⁶⁵ Asm. Schiefloe, Hovedlinjer i norsk almenningsrett, Oslo, 1955.

⁶⁶ O. Solnør dal, Rettleiing i almenningslæren, Oslo, 1958.

⁶⁷ А. Я. Гуревич, Норвежская община в раннем средневековье, «Средние века», вып. XI, 1958, стр. 7.

седских поселениях — *sambud* в Треннелаге и *grend* в юго-западной Норвегии и приводит к выводу, что такого рода хозяйственные общности при индивидуальной собственности на пахотные земли и общинной собственности на прочие угодья — леса, луга, пастбища, водоемы — позволяют «квалифицировать *grend*, а равно и *sambud* как своеобразную соседскую общину»⁶⁸.

А. Я. Гуревич верно заключает, что алменнинг был не только общинной землей (он пишет — «общинным пастбищем»), но служил и земельным фондом, за счет которого могли расширяться индивидуальные владения крестьян и создаваться новые хозяйства⁶⁹.

Однако, опираясь только на статьи судебныхников и иногда на материалы саг, он не может реконструировать жизнь соседской общины как самоуправляющейся единицы, конкретные проявления деятельности соседской общины как сплачивающего ядра крестьянства в борьбе за их права, конкретные формы общинной взаимопомощи в работе и в семейном быту.

Причина таких пробелов в характеристике общины кроется, пожалуй, в том, что, как заявляет сам ученый, его исследование «основано на анализе наиболее ранних памятников права, а не на этнографическом материале, на котором по преимуществу строят свои выводы, норвежские авторы», и полагает, что такое основание его исследования (без этнографических материалов?) «позволяет лучше проследить исторический путь эволюции общины»⁷⁰.

В другой статье, где автор анализирует некоторые особенности соседской общины, он ссылается и на этнографов Кр. Эстберга, А. Холмсена, Х. Бьёрквика и Р. Фриманн-слонн⁷¹. Правда, как раз эти ссылки и толкование их говорят о недостаточном знании автором этнографического материала. А. Я. Гуревич пишет в этом месте: «Раздел одаля подрывал экономическую основу большой семьи, и она разрушалась. ...отношения между выделившимися отдельными домохозяйствами строились как отношения в соседской общине. ...Подобный коллектив в Треннелаге носил название *sambud* («совместное поселение»), в Вестланне — области Гулатинга — *grend* («соседство»). По своему характеру он напоминает соседскую общину других народов. ...Прежде всего бросается в глаза незначительность ее размеров. Сплошь и рядом все члены этой общины населяли один двор, хотя и вели раздельное хозяйство».

Здесь обращают на себя внимание два момента. Ведь отношения между большими семьями строились так же, как отношения в соседской общине. И соседская община, как таковая, совершенно правомерно существовала в тот период истории страны, когда основной общественной и производственной ячейкой была большая патриархальная семья.

Поэтому мы думаем, что не следует таким образом, начиная только с момента разложения семейной общины, говорить о соседской общине. И это, наверное, чувствует А. Я. Гуревич, потому что в той же статье на стр. 158 возвращается к этой проблеме и пишет: «Большая семья, занимавшая обычно отдельный двор, не была самодовлеющим институтом, изолированным от внешнего мира. Для того, чтобы составить правильное представление о характере производства и собственности в этот переходный период, необходимо изучить отношения, складывающиеся между домовыми общинами». Но дальше эта мысль не развита.

Теперь о втором моменте, который мы хотим отметить. А. Я. Гуревич, кажется, излишне спешит с выводами во втором абзаце анализируемой здесь цитаты. Обращает на себя внимание следующее: «Все члены этой общины населяли один двор, хотя и вели раздельное хозяйство».

Кто были владельцы этих раздельных хозяйств? Родственники, члены разложившейся большой семьи. Жили во дворе, конечно, и домашние работники. Но вели ли они хозяйство? Вряд ли. Вернее всего, они остались в прежнем социальном положении домашней прислуги или батраков. А если так, то коллектив родственников, живущих в одном дворе, хотя и ведущих раздельное хозяйство, вряд ли следует называть соседской общиной. Ведь соседская община существовала и вокруг рассматриваемого двора и данный коллектив входил в нее как составная часть.

Но что же это за коллектив? Нам представляется, что здесь подходит термин, предложенный Институтом сравнительного изучения культурных явлений — дворовая, или хуторская, община, о которой мы уже упоминали выше. В марксистском учении об общине нет такого термина и сам коллектив хуторской общины, как таковой, мало изучен, хотя совершенно закономерно его бытование как пережиточной формы большой патриархальной семьи. Наверняка он мог встречаться и не только в Норвегии, но и в истории любого народа, где устойчиво долго бытовали общинные традиции. Нам пред-

⁶⁸ Там же, стр. 14—17.

⁶⁹ Там же, стр. 20.

⁷⁰ Там же, стр. 26.

⁷¹ А. Я. Гуревич. Архаические формы землевладения в юго-западной Норвегии в VIII—IX вв., «Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина, Кафедра истории», т. 26, Калинин, 1962, стр. 146—147.

ставляется, что хуторская, или дворовая, община — именно такая пережиточная форма большой патриархальной семьи. В Норвегии хуторская община, которую А. Я. Гуревич рассматривает как соседскую общину в одном дворе, существовала в течение всего средневековья, вплоть до конца прошлого столетия, бок о бок с соседской общиной — коллективом хозяйств неродственников, живущих в разных дворах и даже чаще всего в разных хуторах. И когда в работах правоведов и этнографов Норвегии проскальзывают сообщения о том, что большая семья сохранялась в стране в некоторых случаях до конца XIX века, то наверняка иногда имеется в виду именно хуторская община. Ведь в Норвегии термин для обозначения домового (семейной) и хуторской (дворовой) общины один и тот же — *gårdssamfunn*. Но в любом случае хуторская община нуждается в дополнительном кропотливом изучении и уточнении ее роли и значения в истории норвежского крестьянства.

Однако отмеченные нами спорные моменты в статьях А. Я. Гуревича ни в коей мере не умаляют ценности и значительности его исследований. Из советских ученых именно ему принадлежит первое слово в этой теме, и понятны те большие трудности и пробы, с которыми он столкнулся в своей работе.

* * *

Подводя итоги обзора, следует отметить, что представители каждого из трех направлений в норвежской историографии — правового, историко-экономического и этнографического — собрали большой материал по крестьянской общине. Однако материалов для характеристики некоторых частей этой темы недостаточно. Так, мало данных о норвежской соседской общине как самоуправляющейся единице, особенно в раннем средневековье. В самой Норвегии почти не опубликованы материалы по общинным традициям норвежского крестьянства в наши дни.

Только сопоставление и критическое осмысление материалов всех трех названных историографических направлений, анализ источников земельного права от раннего средневековья до наших дней, изучение археологических данных, саг, материалов датированной топонимики, а также знакомство с весьма этнографичной норвежской художественной литературой дадут возможность получить более или менее полное представление о норвежской соседской общине в ее историческом развитии.

Г. Анохин

НАРОДЫ СССР

РУССКИЕ СКАЗКИ В ЗАПИСЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Составление, вступительная статья и комментарии Н. В. Новикова, Издательство АН СССР, М.—Л., 1961.

Обычно историографию русской сказки исследователи начинают со знаменитого сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (1855—1863 гг.) и лишь глухо упоминают предшествующие ему публикации.

А между тем в конце XVIII и первой половине XIX в. было записано и опубликовано немало текстов, дающих возможность судить о сказочной традиции, предшествовавшей тому, что зафиксировано в записях, использованных А. Н. Афанасьевым.

Н. В. Новиков поставил себе цель обобщить и систематизировать материалы по сказкам, записанные и опубликованные между 1800—1850 гг. Им были внимательно просмотрены сборники, журналы, альманахи, труды различных обществ первой половины XIX в., а также позднейшие этнографические издания, в которых публиковались ранние записи сказок. В результате этой работы исследователю удалось выявить свыше ста текстов народных сказок первой половины XIX в., которые и включены в рецензируемый сборник.

В книге три раздела. В первый вошли сказки из лубочных и полулубочных изданий 1820-х годов, ставших в настоящее время библиографической редкостью. Во второй раздел вошли сказки, записанные А. С. Пушкиным или с его слов, а также записи других лиц, сохранившиеся в его бумагах. В этом же разделе перепечатаны сказочные сборники Б. Бронницына, Е. Авдеевой, М. Максимовича и И. Ваненко. В третий раздел вошли тексты из рукописных хранилищ и отдельных редких печатных изданий. В приложении к сборнику дано несколько сказок и легенд начала XIX в. в литературной обработке.